

УДК 159.9

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СМЕЖНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.Г. Матушанская, Б.С. Алишев

Аннотация

В статье рассматриваются толерантность к неопределенности и смежные с ней научные конструкции, сложившиеся в современной когнитивной психологии, анализируются соотношения между ними. Показывается, что такие конструкции, как «потребность в когнитивном заключении», «потребность в структуре», «потребность в познании», связаны с толерантностью к неопределенности, но имеют и другие корни в базовых компонентах психики и сознания человека.

Ключевые слова: неопределенность, толерантность к неопределенности, амбивалентность, потребность в когнитивном заключении, потребность в структуре, потребность в познании.

В отечественных психологических исследованиях нечасто можно встретить употребление такого научного конструкта, как «толерантность к неопределенности», хотя за рубежом история его разработки насчитывает уже более 60 лет. С момента первого упоминания в работах Э. Френкель-Брунsvик [1] его содержание претерпело множество изменений, возникли также смежные научные конструкции, а для каждого из них были разработаны специальные диагностические методики. Эти методики нередко сильно накладываются друг на друга, но в то же время содержат специфические вопросы и задания. В итоге эмпирические исследования приводят к неоднозначным результатам и создают неопределенность уже в самой науке. Поскольку большинство из этих конструктов редко используются в отечественной науке, есть необходимость определить соотношения между ними. С нашей точки зрения, это поможет лучше разобраться в сущности самого феномена толерантности к неопределенности и будет полезно для дальнейших исследований в данной области.

Изначально конструкт толерантности к неопределенности сформировался в рамках исследовательского проекта по изучению авторитарной личности, выполнявшегося в конце 40-х годов XX века под руководством Т. Адорно. По его итогам авторами был выделен личностный тип («авторитарная личность»), описываемый девятью психологическими особенностями: устойчивая приверженность ценностям среднего класса; авторитарное подчинение; авторитарная агрессия; ригидность и стереотипность мышления; склонность к мистике; поддержка силы и твердости; деструктивность и цинизм; антиинтрацепция (нечто

вроде антипатии ко всему творческому); морализаторство в вопросах сексуальной жизни [2]. Э. Френкель-Брунsvик опиралась также на понятие амбивалентности, заимствованное ею из психоанализа. Амбивалентность она определяла как одновременное наличие разных импульсов, направленных на один и тот же объект, в континууме от заботы до ненависти, от эмоционального притяжения до отталкивания. Она предполагала, что отрицание эмоциональной амбивалентности и интолерантность к когнитивной неопределенности могут быть различными аспектами одного и того же базового качества. Заметим, что оно не вошло в итоговый перечень качеств авторитарной личности, поскольку не является отличительным именно для нее, а имеет гораздо более широкое распространение.

Толерантность к неопределенности рассматривалась Э. Френкель-Брунsvик скорее как когнитивная составляющая данного качества. Не случайно она использовала термин “ambiguity” (двусмысленность), а не “uncertainty” (неопределенность). Что касается определения, то она говорила о способности индивида распознать сосуществование положительных и отрицательных качеств в одном и том же объекте, таком, например, как родители. Эта способность составляет, по ее мнению, важную эмоционально-познавательную личностную переменную, которую не следует путать с собственной эмоциональной двойственностью. Крайнюю форму интолерантности к неопределенности Френкель-Брунsvик определяет как «тенденцию прибегать к суждениям по типу черное – белое, делать поспешные выводы, часто в отрыве от реальности» [1, p. 115].

При дальнейшей разработке данного конструкта специалисты стали разграничивать понятия «толерантность к двусмысленности» (tolerance of ambiguity) и «толерантность к неопределенности» (tolerance of uncertainty). Двусмысленная ситуация, согласно некоторым авторам (см., например, [3]), содержит противоречивые, несогласованные друг с другом сведения и логические противоположности. Толерантность к двусмысленности, таким образом, касается способности человека узнавать противоречивые сведения и выдерживать вытекающие отсюда противоречивые требования самой действительности. Стремление к избеганию неопределенности и интолерантность к двусмысленности, согласно мнению отдельных авторов, коррелируют друг с другом [3], однако неопределенность является более широким понятием, чем двусмысленность, так как последняя предполагает существование известных альтернатив (по принципу «или – или»), а первая включает в себя и абсолютную неизвестность.

Термин «толерантность к неизвестности» (Unsicherheitstoleranz) также используется некоторыми исследователями. Например, согласно позиции К. Дальберта [4], неизвестность возникает при недостаточном количестве информации о последующем развитии ситуации, то есть она связана с наличием фактора времени. По мнению автора, толерантные к неизвестности люди оценивают неопределенные ситуации как вызов, они ищут такие ситуации, в то время как интолерантные к неизвестности люди переживают неопределенные ситуации как угрозу. При возникновении таких ситуаций интолерантные к неопределенности люди стараются избежать их, а при отсутствии такой возможности стремятся скорее их завершить.

Таким образом, есть все основания утверждать, что первоначальная идея Э. Френкель-Брунsvик была значительно расширена в течение последующих

десятилетий. Во-первых, если в исходном варианте речь шла о психологической характеристике отдельно взятого личностного типа, то в дальнейшем появилось понимание того, что существует некий фундаментальный психологический параметр континуального характера, характеризующий существенные аспекты взаимодействия человека с объективной действительностью. Во-вторых, если изначально автор идеи опиралась все-таки на понятие «двусмысленность» (ambiguity), то есть рассматривала особенности эмоциональной и когнитивной реакций личности на ситуацию достаточно узкого типа, то позднее разные исследователи стали отдельно рассматривать более общую реакцию на неопределенность (uncertainty). Различие здесь на самом деле весьма существенное, так как двусмысленность чаще всего связана с речевыми конструкциями или с действиями людей в конкретных ситуациях, допускающими возможность разного истолкования их смысла и значения. Она является лишь частным случаем неопределенности как всеобщей характеристики реальности, ее познания и переживания человеком. Суть этой всеобщности заключается в том, что та или иная мера неопределенности присутствует всегда и всюду в силу того простого факта, что будущее не задано и не предопределено. Человек, хочет он того или нет, вынужден приспосабливаться к этой неопределенности, и разным людям это удается в разной мере [5].

Проблема приспособления к неопределенности и ее преодоления носит, таким образом, онтологический характер, но бурное развитие когнитивных исследований во второй половине XX и в начале XXI вв. привело к тому, что психология стала делать упор на изучение процессов познания. В результате возникли различные термины, описывающие те или иные стороны и психологические особенности процесса познания человеком действительности. Так, появились конструкты «потребность в когнитивном заключении», «потребность в структуре» (точнее, в структурировании действительности) и «потребность в познании» [6–8] и др. Слово «потребность» не должно вводить в заблуждение: оно часто используется в когнитивной психологии не в традиционном смысле, а всего лишь как обозначение некоторой эмпирически наблюдаемой познавательной тенденции. Разными исследователями стала широко обсуждаться и изучаться связь этих конструктов с толерантностью к неопределенности. На теоретическом уровне они чаще всего трактуются как частные аспекты толерантности к неопределенности (К. Дальберт также высказывает предположение об идентичности конструктов «толерантность к неизвестности» и «потребность в когнитивном заключении» [4]), но убедительно доказать это до сих пор никому не удалось. Между тем появление новых конструктов, описывающих отдельные стороны когнитивной сферы психики, привело к тому, что и в целом толерантность к неопределенности стала все чаще трактоваться в когнитивном ключе.

Рассмотрим каждый из этих конструктов в отдельности. Согласно мнению Д. Уэбстера и А. Круглански, потребность в когнитивном заключении должна определяться как «желание получить ответ на заданный вопрос, причем любой ответ, сравниваемый с сомнением и неопределенностью» [6, p. 1049]. Иными словами, люди хотят получать ответы на свои вопросы и чувствуют себя некомфортно, когда их вопросы остаются без ответов. Считается, что этот конструкт может проявляться различными способами, поэтому исследователи рассматривают

его как латентную переменную. В качестве средства измерения потребности в когнитивном заключении (ПКЗ) использовался тест А. Круглански, Д. Уэбстер, А. Клэм (см. [6]), содержащий в конечном варианте 42 утверждения (в качестве примера можно привести следующее утверждение: «Я бы предпочел знать плохие новости, нежели оставаться в неопределенности»), отнесенных к пяти шкалам: желание предсказуемости, предпочтение порядка и структуры, дискомфорт по отношению к неопределенности, решительность, невосприимчивость (close-mindedness) к новому. Эти же авторы приводят результаты корреляционного анализа данных тестирования по этой методике со шкалами толерантности к неопределенности, авторитаризма, догматизма, когнитивной сложности, импульсивности, потребности в структуре, потребности в познании. Практически все названные переменные оказываются в их исследовании в той или иной степени взаимосвязанными.

Однако, по мнению тех же авторов, толерантность к неопределенности лишь согласуется с потребностью в когнитивном заключении, так как наличие или сохранение неопределенности угрожает возможности получить когнитивное заключение, но не сводится к ней [6]. Интолерантность к неопределенности измерялась ими по шкале нейротизма Г. Айзенка, высокие значения которой описывают предпочтение ясности и отрицательное отношение к неопределенности. В результате исследования была получена низкая положительная корреляция ($r = 0.288$) между показателем по шкале Г. Айзенка и суммарным индексом по тесту ПКЗ. Этот результат был интерпретирован авторами как доказательство относительной дифференцированности названных конструктов. Однако, как указывалось выше, тест ПКЗ содержит шкалу «дискомфорт по отношению к неопределенности», а показатель по ней уже статистически значимо коррелировал с интолерантностью к неопределенности, точнее, со шкалой нейротизма по Г. Айзенку ($r = 0.358$, $p < 0.01$). Полученный результат был объяснен тем, что дискомфорт, вызванный неопределенностью, является одним из следствий отсутствия когнитивного заключения, но такой вывод выглядит явно натянутым. Это, в сущности, равносильно утверждению, что потребность в когнитивном заключении является более фундаментальным, глубинным параметром, нежели толерантность к неопределенности, с чем трудно согласиться. Кроме того, остаются вопросы, связанные с правомерностью использования методики Г. Айзенка для измерения толерантности/интолерантности к неопределенности.

С нашей точки зрения, приведенные сведения дают возможность предположить, что конструкт «потребность в когнитивном заключении» и по своему содержанию, и по имеющимся эмпирическим данным связан с некоторыми сторонами толерантности к неопределенности. Но он может иметь связи и с другими личностными переменными, например с самооценкой, стремлением к достижениям и прочим, а также с уровнем развития когнитивных способностей личности, в частности с показателем IQ. Что касается предположения К. Дальберта об идентичности рассматриваемых конструктов, то нам представляется затруднительным принять такой вывод, так как, во-первых, само понятие толерантности к неопределенности на сегодняшний день имеет множество трактовок и является слишком неоднозначным, во-вторых, несмотря на эту неоднозначность, его вряд ли можно сводить только к когнитивным составляющим.

Р. Соррентино и Ю. Шорт приводят результаты сравнения ответов испытуемых по тесту ПКЗ и по разработанной ими шкале ориентации на неопределенность [9]. Согласно данным этого исследования, как ориентированные на неопределенность, так и ориентированные на определенность индивиды в равной мере стремятся к тому, чтобы получать когнитивное заключение. Однако ориентированные на определенность делают это, основываясь на консервативной установке по отношению к новой информации, а ориентированные на неопределенность наслаждаются самим процессом получения заключения, так как готовы к преодолению информационной новизны и несовместимости. Соответственно, лица, ориентированные на определенность, склонны отметить новую информацию, хотя с удовольствием принимают ответы, согласующиеся с их личным опытом, а лица, ориентированные на неопределенность, демонстрируют противоположное поведение. Таким образом, между потребностью в получении когнитивного заключения и реакцией на неопределенность появляется третий параметр – реакция на новизну информации. Это обстоятельство все усложняет и одновременно указывает на то, что ПКЗ, скорее всего, является сложносоставным конструктом. В любом случае необходимы дальнейшие исследования в данном направлении, прежде чем можно будет сделать окончательные выводы о соотношении конструктов.

Следующим концептом, имеющим определенные содержательные совпадения с конструктом толерантности к неопределенности, является «потребность в структуре». С. Ньюберг и Дж. Ньюсом в своей статье приводят определение А. Круглански, рассматривающего потребность в структуре как «мотив, вызванный ситуацией и активирующийся таким критическим обстоятельством, как ограничение времени для принятия решения» [7, р. 114]. Суть проблемы заключается в том, что людям для того, чтобы нормально жить и взаимодействовать, нужно иметь некоторое представление о реальности. Но реальность сложна, разнообразна и чрезвычайно многозначна. Любое представление о ней оказывается упрощением, но людям все равно нужно каким-то образом ее структурировать, то есть расчленять на какие-то объекты, явления, системы и т. д. Идея о структурированности восприятия и познания, в общем-то, не нова, и более детально анализируется в теориях социальной категоризации (см., например, [10]), в которых особое внимание уделяется языку как средству структурирования (категоризации). В рамках же рассматриваемого нами вопроса потребность в структуре (в структурировании) понимается обычно как склонность людей предпочитать более простые структуры более сложным [4]. Например, если нечто может быть устроено проще (не в ущерб функциональности) или проще объяснено, люди рано или поздно выберут более простой вариант. В чем-то это напоминает знаменитый принцип Оккама: если есть два описания одного и того же явления, то из них, которое проще, яснее и использует меньше терминов, оказывается более приемлемым и находит большую поддержку.

В качестве шкалы измерения потребности в структурировании чаще всего используется шкала М. Томпсона, М. Наккарато и др. [11]. Она основывается на идее о том, что человек с высоким уровнем личной потребности в структуре (ЛПС) в большинстве ситуаций предпочитает ясность и четкую структурированность реальности и испытывает дискомфорт, если структура и ясность в ситуации

теряются. Предложенная этими авторами шкала содержит 12 утверждений, а ответы даются испытуемыми на основе метода семантического дифференциала в континууме от 1 до 6.

С. Ньюберг и Дж. Ньюсом сравнивали индивидуальные показатели испытуемых по данному конструкту с их результатами по смежным конструктам, среди которых были догматизм, толерантность к неопределенности, ориентация на неопределенность и ригидность. Гипотезой в их исследовании служило предположение о том, что интолерантность к неопределенности является смежным конструктом потребности в структуре, так как сопротивление индивида недостатку ясности и его ориентация на определенность – это, по мнению авторов, способы, с помощью которых он пытается достичь когнитивной ясности [7, р. 117]. На основе полученных результатов они, однако, делают вывод об относительной независимости рассматриваемых конструктов. Вместе с тем приведенные в их статье данные свидетельствуют о наличии некоторых корреляций между показателями ЛПС и толерантности к неопределенности на самом высоком уровне значимости ($p < 0.001$). Кроме того, в их работе показано, что для удовлетворения потребности индивида в структуре необходимо снижать уровень неопределенности.

Другое исследование потребности в структуре также показало, что учащиеся с высокой выраженностью данной характеристики старались как можно скорее снизить неопределенность по поводу времени и процедуры выдачи аттестатов [4]. Интересно, что стремление испытуемых любыми возможными способами снижать неопределенность проявляется и в случае с конструктом «толерантность к неизвестности». В частности, одно из исследований К. Дальберга, проведенное среди женщин с нежелательной беременностью, продемонстрировало, что при большей выраженности интолерантности к неизвестности женщины старались определить наличие или отсутствие у себя беременности как можно раньше [4]. Описанные факты дают возможность предположить, что имеется частичное совпадение рассматриваемых конструктов.

Концепт «потребность в познании» разрабатывался А.Р. Козном, который определял его как «потребность в понимании и причинном объяснении воспринимаемого мира» [12, р. 291]. Он утверждал, что люди с высокой потребностью в познании склонны рассматривать ситуацию как неопределенную, даже если она достаточно структурирована. Дж. Качиоппо и Р. Петти предположили, что существуют стабильные индивидуальные различия в выраженности склонности вовлекаться в когнитивные попытки, требующие усилий, и наслаждаться их осуществлением [8, р. 116]. В принципе, и эта идея не содержит чего-то совершенно нового, так как индивидуальные различия в проявлении познавательного инстинкта имеются даже у животных одного и того же вида, а у человека эти различия, безусловно, выражены сильнее. Но одно дело – общие положения, а другое – конкретные исследования. На основе результатов факторного анализа данных, полученных с помощью опросника, включавшего в себя 45 заданий, авторами был сделан вывод о том, что большая часть обнаруженных ими вариаций в когнитивном поведении может быть описана с помощью одного фактора, который они и обозначили как потребность в познании. Индивиды с высокой потребностью в познании описываются ими как склонные к поиску, приобретению,

осмыслению новой информации и к рефлексии с целью понять те или иные стимулы, отношения, события. Напротив, люди с низкой потребностью в познании характеризуются ими как более склонные полагаться на других, на когнитивные эвристики или социальные процессы.

Дж. Качиоппо и Р. Петти приводят данные корреляционного анализа, свидетельствующие о связях данного конструкта с некоторыми другими психологическими параметрами. В качестве методики измерения они применили шкалу причинной неопределенности Г. Уизри и Дж. Эдвардс [13], высокие значения которой указывают на постоянную неопределенность относительно причинно-следственных связей в социальном мире. В результате исследования была обнаружена отрицательная корреляция на уровне значимости $p < 0.001$. Кроме того, авторами приводятся данные об отрицательной, но не значимой связи потребности в познании и интолерантности к неопределенности, измеренной по методике Г. Айзенка. Иначе говоря, чем более тот или иной человек испытывает потребность в познании, тем более он толерантен к неопределенности. Этот результат в некоторой степени парадоксален, так как саму потребность в познании можно было бы рассматривать как следствие стремления уменьшать неопределенность. Как можно убедиться, это не совсем так. В данном случае мы вновь сталкиваемся с тем, что между толерантностью к неопределенности и различными конструктами когнитивной психологии нет прямых связей и зависимостей.

Таким образом, толерантность к неопределенности оказывается фундаментальным психологическим параметром, который часто является скрытым, но проявляет себя во многих конкретных разновидностях. Эти разновидности ситуативны и связаны с различными аспектами, формами и способами взаимодействия человека с реальностью, в том числе с различными особенностями ее познания и понимания. Проведенный нами анализ результатов ряда исследований показывает, что «потребность в когнитивном заключении», «потребность в структуре» и «потребность в познании», так или иначе, связаны с толерантностью к неопределенности. Вместе с тем эти конструкты содержат в себе компоненты, не сводящиеся к толерантности к неопределенности и даже в чем-то противоположные ей по своему влиянию на когнитивное поведение человека. Это значит, что толерантность/интолерантность к неопределенности не может объяснить всей вариативности целого ряда когнитивных характеристик людей. Причина этого, возможно, заключается не только в том, что на последние влияют другие особенности психики, но и в том, что, строго говоря, толерантность/интолерантность к неопределенности не должна пониматься исключительно в когнитивном ключе.

Действительно, многие современные исследователи так же, как когда-то Э. Френкель-Брунсвик, обращают внимание на связь с толерантностью к неопределенности не только когнитивных, но и эмоциональных параметров психики. В частности, есть многочисленные данные о том, что тревожность, уровень беспокойства и уровень депрессии выше у лиц с пониженной толерантностью к неопределенности [14–16]. Например, Р. Ладусье с соавторами на материалах исследования франко-канадских студентов приводит данные о тесной связи интолерантности к неопределенности с показателями беспокойства и тревоги

(по известному опроснику PSWQ) и делает вывод, что «интолерантность к неопределенности играет ключевую роль в формировании и постоянном проявлении чрезмерного беспокойства» [17, р. 939]. Такие же данные приводятся в более позднем исследовании Дж. Ли и соавторов [18]. Эти результаты чрезвычайно значимы, хотя, безусловно, истоки беспокойства и тревоги личности нельзя свести только к интолерантности к неопределенности.

Итак, толерантность/интолерантность к неопределенности может рассматриваться в качестве глубинного психологического параметра, который сам по себе не сводится ни к когнитивным, ни к аффективным компонентам психики, но одинаково часто проявляет себя и в той, и в другой сфере. Проявляется он не в чистом виде, а связываясь с другими глубинными переменными и образуя на «поверхности» психики разнообразные переходящие друг в друга комбинации. Именно их, скорее всего, и описывают рассмотренные научные конструкты. Вполне вероятно, что при сочетании толерантности/интолерантности к неопределенности с другими латентными факторами могут возникать весьма неожиданные комбинации когнитивных и аффективных характеристик личности, но для выявления этих факторов необходимы дальнейшие исследования.

Работа выполнена при поддержке Немецкой службы академических обменов (ДААД), грант № А/09/83832.

Summary

A.G. Matushanskaya, B.S. Alishev. Ambiguity Tolerance and Related Concepts of Cognitive Psychology.

The article discusses ambiguity tolerance and some related scientific concepts existing in modern cognitive psychology and analyses correlations between them. It is shown that such concepts as “need for cognitive inference,” “need for structure,” and “need for cognition” are connected with tolerance for ambiguity, but also have other roots in basic components of human psyche and consciousness.

Key words: ambiguity, tolerance for ambiguity, ambivalence, need for cognitive inference, need for structure, need for cognition.

Литература

1. *Frenkel-Brunswik E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *J. Personality.* – 1949. – V. 18, No 1. – P. 108–143.
2. *Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Stanford R.N.* The authoritarian personality. – N. Y.: Harper & Row, 1950. – 990 p.
3. *Müller-Christ G., Weßling G.* Widerspruchsbewältigung, Ambivalenz- und Ambiguitätstoleranz // *Nachhaltigkeit und Widersprüche / G. Müller-Christ, L. Arndt, I. Ehnert (Hrsg.).* – Munster: Lit, 2007. – S. 180–196.
4. *Dalbert C.* Die Ungewißheitstoleranzskala: Skaleneigenschaften und Validierungsbefunde // *Hallesche Berichte zur Pädagogischen Psychologie.* – 1999. – H. 1. – S. 1–25.
5. *Алишев Б.С.* Психика и преодоление неопределенности // *Психология: Журн. Высш. шк. экономики.* – 2009. – Т. 6, № 3. – С. 3–26.
6. *Webster D.M., Kruglanski A.W.* Individual differences in need for cognitive closure // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1994. – V. 67, No 6. – P. 1049–1062.

7. *Neuberg S.L., Newsom J.T.* Personal need for structure: Individual differences in the desire for simple structure // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1993. – V. 65, No 1. – P. 113–131.
8. *Cacioppo J.T., Petty R.E., Feinstein J.A., Jarvis W.B.G.* Dispositional differences in cognitive motivation: The life and times of individuals varying in need for cognition // *Psy. Bull.* – 1996. – V. 119, No 2. – P. 197–253.
9. *Sorrentino R.M., Short J.C.* Uncertainty orientation, motivation, and cognition // *Handbook of motivation and cognition: V. 2. Foundations of social behavior* / Eds. R.M. Sorrentino, E.T. Higgins. – N. Y.: Guilford Press, 1986. – P. 379–403.
10. *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 369 p.
11. *Thompson M.M., Naccarato M.E., Parker K.C.H., Moskowitz G.B.* The personal need for structure and personal fear of invalidity scales: Historical perspectives, present applications and future directions // *Cognitive social psychology: The Princeton symposium on the legacy and future of social cognition* / Ed. G. Moskowitz. – Mahwah, N. J.: Erlbaum, 2001. – P. 19–39.
12. *Cohen A.R., Stotland E., Wolfe D.M.* An experimental investigation of need for cognition // *J. Abnorm. Soc. Psychol.* – 1955. – V. 51, No 2. – P. 291–294.
13. *Weary G., Edwards J.A.* Individual differences in causal uncertainty // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1994. – V. 67, No 2. – P. 308–318.
14. *Andersen S.M., Schwartz A.H.* Intolerance of ambiguity and depression: A cognitive vulnerability factor linked to hopelessness // *Social Cognition.* – 1992. – V. 10, No 3. – P. 271–298.
15. *Dugas M.J., Freeston M.H., Ladouceur R.* Intolerance of uncertainty and problem orientation in worry // *Cogn. Ther. Res.* – 1997. – V. 21, No 6. – P. 593–606.
16. *Macleod C., Cohen I.L.* Anxiety and the interpretation of ambiguity: A text comprehension study // *J. Abnorm. Psychol.* – 1993. – V. 102, No 2. – P. 238–247.
17. *Ladouceur R., Gosselin P., Dugas M.J.* Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: A study of a theoretical model of worry // *Behav. Res. Ther.* – 2000. – V. 38, No 9. – P. 933–941.
18. *Lee J.K., Orsillo S.M., Roemer L., Allen L.B.* Distress and Avoidance in Generalized Anxiety Disorder: Exploring the Relationships with Intolerance of Uncertainty and Worry // *Cogn. Behav. Ther.* – 2010. – V. 39, No 2. – P. 126–136.

Поступила в редакцию
11.05.11

Матушанская Ася Григорьевна – аспирант кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: asya8621@rambler.ru

Алишев Булат Салямovich – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com